

«ПОДКИДЫШИ»: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРИЕМНОГО РОДИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Лариса Леонидовна Шпаковская
(slarisalarisa@gmail.com)

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Шпаковская Л.Л. (2018) «Подкидыши»: репрезентации приемного родительства в современной России. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(3): 71–92. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.3.4>

Аннотация. Статья посвящена анализу репрезентаций приемного родительства в массовой культуре на примере анализа сериала «Подкидыши» (Телеканал «Домашний», 2016–2017). На материалах сериала производится реконструкция идеологии приемного родительства и ее основных содержательных элементов. Автор исходит из положения о том, что продукты массовой культуры создают идеологизированные образы родительства, которые задают модели поведения и способы интерпретации обыденного опыта отцов и матерей, но также предлагают их в упрощенной форме, понятной массовому зрителю, ориентируясь на массовые каноны и стереотипы. Они транслируют господствующие властные отношения и через политики репрезентаций поддерживают представления о нормальном и ненормальном, морально одобряемом и недопустимом поведении. Используется методология кейс-стади. Интерпретация и генерализация результатов анализа происходит на основе обращения к широкому кругу источников: популярные произведения массовой культуры о проблемах сиротства и приемного родительства, законодательство, интервью с экспертами и родителями. Реконструирован политический и идеологический контекст сериала, связанный с политическими реформами деинституционализации заботы о детях без попечения родителей, начавшейся в 2014 г. в связи с выходом Постановления № 418 Правительства РФ. Сериал «Подкидыши» анализируется как смысловое целое, путем кодирования в нем выделялись повторяющиеся структурные элементы, типы персонажей, последовательность их действий и общие смыслы происходящих событий. В результате проведенного анализа были определены следующие структурные элементы сериальных историй: плохие матери, безответственные отцы, не-субъектные дети, граждане-альтруисты, государство. Киноповествование строится вокруг обсуждения моральных качеств родителей, показывая «хорошее» и «плохое» родительство как естественные категории, непосредственно присущие индивидам. Обсуждение причин социального сиротства происходит в рамках культурной парадигмы плохого материнства. Плохие матери представлены в качестве основной причины отчуждения ребенка от семьи. Сериальные репрезентации хорошего и плохого родительства вписаны в более широкую дискурсивную конструкцию ответственного родительства. При этом работа сериальной идеологии вытесняет детей на второй план социальных отношений, представляя их как пассивных мла-

денцев, имеющих лимитированную субъективность. Репрезентации усыновления функционируют как идеологизированные конструкты, не дающие увидеть специфику заботы о приемных детях как сложной работы, требующей особых знаний и навыков, заменяя ее риторикой любви к детям и альтруизма. В целом репрезентации родительства в современной российской массовой культуре вписаны в либеральный тренд российской социальной политики, выступают инструментом морального обучения родителей, а также мобилизации граждан и семьи для решения значимых государственных задач, связанных с обеспечением благосостояния детей сирот.

Ключевые слова: культурные репрезентации, массовая культура, материнство, приемное родительство, деинституционализация заботы о детях, визуальная идеология.

В апреле 2016 г. на федеральном телеканале «Домашний» вышел сериал «Подкидыши». Выпуск сериала сопровождался широкой рекламной кампанией. В трейлере сериала были показаны дети в возрасте от пяти до десяти лет, которые говорили о том, что они «ждут маму». В кадре ребенок сидит в пустой комнате, держит в руках мягкую игрушку. Мальчика или девочку показывают крупным планом, он или она говорит «*моя мама, если закричать, то она может вернуться*», «*она же не может просто пойти и бросить и меня*», «*она придет ко мне в гости, и я ей подарю сердце*». Голос за кадром комментирует: «*Подкидыши — сериал о ненужных детях*». Трейлер заставляет зрителя думать о том, что сериал посвящен сиротам, которые ждут, возможно, в институтах государственной заботы своих биологических или приемных родителей. Однако в самом сериале были показаны истории младенцев, подброшенных в беби-бокс в провинциальной городской детской больнице, а также их биологических или приемных родителей, которые в процессе сериального повествования теряли, искали и обретали детей.

Трейлер сериала завлекал зрителей эмоционально острой и широко востребованной темой социального сиротства и приемного родительства. Поскольку содержание сериала составляли истории новорожденных детей, это позволяло его создателям избегать сложных и потенциально болезненных сюжетов о детских домах, государственной системе защиты прав и обеспечения благосостояния детей, заменяя их относительно благополучными историями младенцев, после незначительных перипетий попадающих к своим биологическим или приемным, но в любом случае любящим и заботливым родителям. Хотя сериал представлял деполитизированную версию обсуждения проблемы социального сиротства, его можно рассматривать как знак того, что сиротство перестало быть пред-

метом узкого интереса специалистов и профессионалов, работающих в органах государственной опеки и попечительства или участвующих в выработке и реализации соответствующей политики. Сироты и приемные родители стали героями массовой культуры и предметом интереса телезрителей по всей стране. Статья посвящена анализу репрезентаций приемного родительства в массовой культуре на примере анализа сериала «Подкидыши» (Телеканал «Домашний», 2016–2017). На материалах сериала производится реконструкция идеологии приемного родительства и ее основных содержательных элементов.

Репрезентации как носители социальных смыслов родительства

Социологи обсуждают, в каких отношениях находится репрезентация и социальная реальность. Представители Бирмингемской школы культуральных исследований (cultural studies) полагают, что реальность не «отражается», но создается с помощью СМИ, через приписывание ей смыслов и обозначение ее. Репрезентации представляют собой особую реальность смыслов (Hall 1997). Они участвуют в формировании способов нашего восприятия реальности, опосредуя обыденный опыт, задавая специфику его понимания и интерпретаций (Giddens 1991). Вместе с тем специфика сериальных репрезентаций заключается в том, что они ориентированы на обыденное сознание массового зрителя, предлагая темы и сюжеты, близкие и понятные большинству (Зверева 2003).

Репрезентации участвуют в идеологической индоктринации. Медиа задают «режимы видения», поскольку являются частью системы властных и политических отношений. В фуколдианской логике власть реализует себя через системы знания, навязывая способы восприятия субъектами самих себя и социальной реальности. Политики репрезентаций формируются доминирующими в культурном и политическом смысле социальными группами и транслируются через СМИ (Орлова 2009: 8; Маркина 2013: 189).

Теоретики культуры добавляют, что культурные репрезентации участвуют в процессах символического производства социальных границ и социальных неравенств. В частности, репрезентации формируют наши представления о нормальной мужественности и женственности, социально одобряемом материнстве и отцовстве, придавая тем или иным формам поведения моральную оценку (Devine, Savage 2005). Например, матери из рабочего класса в массовой культуре часто обвиняются в плохом родителстве, изображаются как жесткие, авторитарные, невнимательные (Gillies 2010). Они репрезентируются как воспитывающие детей, склонных к преступным действиям и имеющих проблемы физического или умственного здоровья (Lawler 2000: 39).

Таким образом, телевизионные сериалы создают идеологизированные образы родительства, которые задают модели поведения и способы интерпретации обыденного опыта отцов и матерей, но также предлагают их в упрощенной форме, понятной массовому зрителю, ориентируясь на массовые каноны и стереотипы. Они транслируют господствующие властные отношения через политики репрезентаций и поддерживают представления о нормальном и ненормальном, морально одобряемом и недопустимом поведении.

Возможность генерализации на основе анализа кейса произведения массовой культуры предлагает парадигмальный подход к анализу нарратива. Он связан с идеей о том, что любая культура предлагает набор моделей поведения, возможных способов их интерпретации и моральной оценки (Kandiyoti 1998; Здравомыслова 2002; Темкина 2010). Применительно к родительству и семейной политике Моник Кремер вводит понятие идеала заботы (Kremer 2006), т.е. широко разделяемых в обществе представлений о том, какая забота считается хорошей: кем, где, как осуществляемая и на каких условиях. Идеалы заботы служат моральными ориентирами при принятии решений о способе организации заботы как в приватной жизни, так и в политической сфере. Таким образом, на основе анализа массовой культуры можно реконструировать культурную парадигму социального сиротства и приемного родительства.

Метод и данные

Для анализа родительства в современной России в статье использованы масскультурные продукты, посвященные проблемам сиротства, приемного родительства, качества родительской заботы и т.п. Исследование использует стратегию кейс-стади, которая исходит из предпосылки о том, что выбранный для анализа случай является типичным для анализируемых социальным ученым событий или явлений, что позволяет производить генерализацию на его основе. Анализируя собранные данные относительно этого случая, исследователь исходит из того, что единственный случай выступает проявлением «общего» (Берто, Берто-Вьям 1992: 107; Романов 2005: 103) Однако при этом каждый выбранный случай остается в той же мере уникальным, как и типичным. Стратегия определения типичных и уникальных элементов связана с максимальной возможной его контекстуализацией. Помещение случая в его смысловой социально-политической, экономической и культурно-исторической контекст позволяет сделать обобщения о природе и специфике функционирования более широкого социального явления или процесса, которые представляет изучаемый случай (Burawoy 1998).

Интерпретация сериала осуществляется на основе методологии, предложенной исследователем массовой культуры Александром Павловым (Павлов 2014; Дегтярев 2014). Ее исходные методологические установки были адаптированы применительно к специфике кейса сериала следующим образом. Сериал как вариант массового кино представляется носителем набора клишированных смыслов, актуальных в определенном социально-политическом контексте. Для того чтобы их реконструировать, необходим детальный анализ сериала на разных уровнях: 1) реконструкция социально-политического контекста; 2) анализ всего сериала, а не только его ключевых сцен; 3) анализ визуальной идеологии не только через то, что непосредственно показано, но и через то, что скрыто или умалчивается.

Контекстуализация выбранного кейса сериала «Подкидыши» («Домашний», 2016) осуществляется на основе обращения к широкому кругу масскультурных произведений: телевизионным передачам, лайф-шоу, социальной рекламе, художественным литературным произведениям, вышедшим в период с 2010 по 2016 г. Отбор произведений осуществлялся согласно критериям ориентации на массового потребителя (трансляция телевизионными каналами с общероссийским охватом вещания, тираж более 10 тыс. экземпляров для печатных изданий) и обращения к теме приемного родительства и/или детей, оставшихся без попечения родителей. Для реконструкции социально-политического контекста мы обращаемся 1) к законодательству и программным документам правительства РФ по вопросам семьи, детства и сиротства; 2) интервью с экспертами — чиновниками и сотрудниками детских интернатных учреждений, сотрудниками НКО, специализирующихся на помощи детям-сиротам (N=58), а также интервью с родителями, посвященным изучению родительской культуры в современной России (N=50). Использование дополнительных источников позволило выделить репрезентирующие родительство сюжетные элементы сериала «Подкидыши», которые являются типичными для современной российской массовой культуры и которые можно обозначить как элементы современной российской культурной парадигмы приемного родительства.

Социальное сиротство и приемное родительство в публичном дискурсе

Выход на телевизионные экраны сериала «Подкидыши» не был неожиданным. Этому событию предшествовал достаточно длительный процесс продвижения тематики детства и родительства на различных публичных аренах, от официальных СМИ и социальной рекламы до кино и литературы.

Широкое обсуждение в массовой культуре вопросов сиротства совпало с реформами системы детских домов, направленных на деинституционализацию заботы о детях, оставшихся без попечения родителей, которая началась в середине 1990-х и приняла радикальный характер в связи с принятием 481 Постановления Правительства РФ в 2015 г. Основным фокусом реформы выступало изменение принципов работы интернатных учреждений, а также семейное устройство детей (Ярская-Смирнова, Присяжнюк, Вербилович 2015: 161). Благодаря изменениям нормативной базы с середины 2000-х годов количество устроенных в семью детей, оставшихся без попечения родителей, возросло более чем в полтора раза (Virykova, Sinyavskaya 2017: 374).

Параллельно с реформированием системы детских интернатных учреждений темы сиротства и приемного родительства постепенно проникают в медийное пространство (Терентьева, Корнева, Краснова 2013). В 2006 г. по инициативе Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации в регионах был начат социальный рекламный проект, призванный информировать о проблеме сиротства (Ярская-Смирнова, Присяжнюк, Вербилович 2015: 162). На федеральных и региональных каналах появляются рекламные телевизионные ролики, которые призывают зрителей стать приемными родителями и взять на воспитание ребенка из детского дома. Их слоганы: «У маленького человека должно быть большое счастье», «Возьмите ребенка в семью», «Есть много способов стать родителями». В Санкт-Петербурге начинает реализовываться программа «Ищу маму», в рамках которой городские власти размещают социальную рекламу, популяризирующую семейное устройство, на уличных растяжках, плазменных панелях и рекламных щитах. В рекламе показаны «трогательные» образы детей-сирот, ищущих или ждущих приемных родителей (Учите детей совершать поступки 2007).

Центральные медиа также освещают проблемы сиротства и качества родительской заботы. В частности, на Первом канале популярная утренняя телевизионная программа «Пока все дома», показывающая знаменитостей в кругу семьи, в 2006 г. была дополнена рубрикой «У вас будет ребенок». Рубрика рассказывала о детях, живущих в интернатных учреждениях, и призывала стать их приемными родителями. Фонды и НКО, работающие с детскими сиротскими учреждениями, создавали информационный контент, дополняя государственные базы данных детей сирот визуальными материалами: фотографиями, видеороликами, видеокомментариями специалистов, осуществляющих заботу в отношении детей (врачей, воспитателей). В середине 2010-х на федеральных телеканалах выходит целый ряд сериалов, аналитических передач, документальных и художественных

фильмов, ток-шоу по вопросам сиротства и родительства. Появляются передачи «Дом малютки» (сериал, «Россия1», 2010), «Семейный бизнес» (комедийный сериал, ГНТ, 2014), «Живые игрушки», «Брошенные дети» (серия документальных, проблемно ориентированных передач, Первый канал, 2015), «Очная ставка» (серия проблемно ориентированных передач, НТВ 2016), «Не ври мне» (серия проблемно ориентированных передач, РЕН ТВ, 2015). Они проблематизируют качество родительской заботы, обсуждая причины социального сиротства и «плохого» родительства.

Таким образом, в публичную медиарефлексию входят проблемы детства, прав ребенка, содержания и смысла родительства. К началу 2010-х годов усыновление и вопросы качества заботы о детях стали проблемой, успешно конкурирующей за внимание зрителей на публичных аренах.

Реконструируя парадигмальный сценарий приемного родительства

Телеканал «Домашний» является федеральным и входит в топ-10 наиболее популярных российских каналов. «Домашний» позиционирует себя как канал для женской аудитории. Большинство его передач (реалити-шоу, ток-шоу, художественные и документальные фильмы, сериалы, теледрамы) посвящены темам, которые условно можно отнести к «женским»: репродукция, воспитание детей, семейные отношения, женское здоровье, кулинария, мода и пр. (Телепрограмма. Канал «Домашний» 2018). «Домашний» осуществляет вещание в 339 городах и населенных пунктах России. Потенциальная аудитория телеканала составляет более 51 млн человек (Размещение рекламы на телеканале «Домашний» 2017). Таким образом, передачи канала потенциально достигают зрительской аудитории по всей России, транслируя визуальные идеологизированные образы приватности, семьи и родительства.

Сериал «Подкидыши» включает два сезона, каждый из которых состоит из 12 историй. Истории обоих сезонов состоят из двух серий, транслировавшихся в один день одна за другой с небольшим перерывом. Таким образом, каждый сезон составляют 24 серии. Первый сезон вышел на экраны в апреле 2016 г., второй — в марте 2017 г. Сериал снимался на Украине, и некоторые его сцены были адаптированы для российских зрителей. Примечательно, что украинская версия сериала (вышедшая одновременно с «Подкидышами») назвалась «Окно жизни», что тематически подчеркивало идею спасения жизни младенцев, в отличие от российской версии, в которой название отсылало к теме сиротства и родительства.

Сюжетная линия каждой истории сериала «Подкидыши» выстроена вокруг событий, связанных с новорожденными младенцами, которые

оказывается при различных обстоятельствах потерянными или оставленными своими биологическими родителями. Последовательность событий связана с поиском пропавшего младенца или его родителей. Каждая из 12 историй сюжетно не связана с другими, имеет свою завязку (как правило, потеря младенцем родителей), развитие сюжета (поиски младенца или родителей) и финал (обретение младенцем приемных или кровных родителей). Общим тематическим элементом сериала выступает телерассказ о перинатальном центре, расположенном в провинциальном городе Марьинске. Сотрудники перинатального центра и окружающие их люди оказываются персонажами, связывающими все истории сериала. В первой истории в перинатальном центре открывается «окно жизни» — специально оборудованное помещение, куда может быть анонимно помещен новорожденный. Младенцы, которые становятся главными героями сериальных историй, оказываются подброшенными в «окно жизни» этого перинатального центра.

Анализируя сериал как смысловое целое и выделяя в нем повторяющиеся структурные элементы, мы выделили сходные сюжетные линии: типы персонажей, последовательность их действий и общие смыслы происходящих событий. Таким образом, были определены следующие структурные элементы сериальных историй: плохие матери, безответственные отцы, не-субъектные дети, граждане-альтруисты, государство.

Плохие матери

Плохие матери выступают в сериале своеобразными антигероями. Именно они отказываются от своих биологических детей или недостаточно заботятся о них, и их действия в большинстве случаев становятся причиной развития сюжета каждой истории. Например, цирковая гимнастка обнаруживает, что с рождением ребенка она не может выступать и делать карьеру; модная красавица отказывается от ребенка, поскольку решает выйти замуж за богатого мужчину и уехать за границу; а мечтательная молодая женщина настолько влюблена в известного тусовщика, что думает только о своем возлюбленном, не замечая беременности и не заботясь о будущем ребенке. Плохое материнство внеконтекстуально, оно представлено как личное моральное качество женщины и не имеет социальных причин. Плохими матерями оказываются женщины как из среднего, так и из низшего класса. Матери репрезентированы как совершающие моральный выбор: заботиться или отказаться от ребенка в пользу личных интересов или карьеры. В одной из историй сериала плохое материнство представлено настолько схематично, что в кадр попадает только младенец, про которого зрители узнают, что его родила в поезде

и выкинула на остановке какая-то женщина. О ее личности и жизненных обстоятельствах ничего не известно, но зрители видят очевидное моральное осуждение ее поступка, которое неоднократно высказывают герои данной телеистории. Исполнительница главной роли сериала — заведующей детским отделением перинатального центра — актриса Екатерина Решетникова на официальном сайте телеканала «Домашний» комментирует смысл материнства индивидуалистки и эссенционалистки, как индивидуальное моральное качество женщин и биологический инстинкт: «Моя героиня не только пытается отстоять жизнь ребенка любым способом, но и вернуть матерей на путь истинный, пробудить в них материнский инстинкт» (Подкидыши: нужный сериал о ненужных детях! 2016).

Таким образом, истории плохого материнства и отказа от ребенка представлены как истории индивидуального выбора. Забота о ребенке репрезентирована как индивидуальная обязанность матери, а отказ от нее обусловлен личными недобросовестными качествами женщины.

Безответственные отцы

Отцы становятся основными действующими лицами сериала, только тогда, когда мать не может осуществлять заботу (например, оказывается в больнице, погибает, уезжает). Иногда отцы не справляются с этой задачей. В этих случаях они представлены нечестными и безнравственными персонажами. В одной из серий мужчина оставляет коляску со своим ребенком на улице, так как вместо заботы решает принять участие в ограблении. Преподаватель университета подбрасывает ребенка в «окно жизни», поскольку ведет двойную жизнь и боится огласки своих сексуальных отношений со студентками. Тем не менее отцы никогда не предстают как основная причина отчуждения ребенка от родителей. Они не являются основными поставщиками заботы, поэтому роль успешных отцов скорее связана с делегированием заботы и умением организовать ее. Положительные мужские персонажи скорее выступают в роли спасителей детей и героев, которые пытаются нормализовать/исправить ситуацию: найти пропавшего ребенка или его мать или стать приемным родителем. Отцовство, так же как и материнство, в сериале представлено как индивидуальное моральное качество, которое находится вне социального и классового контекста персонажей.

Мы полагаем, что образы успешных и неуспешных отцов, так же как и образы плохих матерей, вписываются в публичный дискурс ответственного родительства. Идея ответственного родительства выступает понятием, разделяемым государством, гражданами и экспертами. Оно описывает специфику отношений между государством и гражданами и связано

с дискурсивным делегированием осуществления заботы о детях от государственных институтов к гражданам.

Категория ответственного родительства, в частности ответственного отцовства, в российском контексте изначально возникает в начале 2000-х в экспертном дискурсе (Авдеева 2012; Ангелова, Темкина 2009; Майофис, Куклин 2010; Chernova 2002). Понятие ответственного родительства впервые появляется в законодательстве в Концепции семейной политики 2014 г. Под «ответственным» родительством понимается готовность отцов и матерей принять на себя ответственность «за воспитание, образование и развитие личности ребенка (детей) и за сохранение его здоровья». Формирование ответственного родительства определяется в качестве одного из политических ориентиров. Другие документы, имеющие отношение к вопросам детства и родительства, в качестве своих задач ставят поддержку семейного воспитания, содействие формированию ответственного отношения родителей к воспитанию детей, обеспечение условий для повышения социальной, коммуникативной и педагогической компетентности родителей (Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017; Стратегия развития воспитания в РФ на период до 2025 года). Таким образом, основным поставщиком заботы о детях становятся семья и родители.

Проведенные в 2010-х годах в НИУ ВШЭ исследования, в которых участвовала и автор статьи, также показывают, что категория ответственности использовалась родителями для самоописания. Например, молодые матери называли себя «ответственными», подразумевая под этим стремление стать компетентными для того, чтобы дать воспитание в соответствии с самыми высокими стандартами качества (при этом представления матерей и отцов, принявших участие в исследованиях, о качестве и содержании «хорошей» заботы были различны) (Shpakovskaya 2015). Иначе говоря, ответственность не только декларируется на уровне официального дискурса и обсуждается экспертами в качестве тренда изменений детско-родительских отношений, она также принимается родителями в качестве смысловой рамки референции родительских практик.

В этом контексте плохие матери и отцы в сериале могут быть поняты как безответственные, т.е. нежелающие или неспособные взять на себя обязанности по уходу и воспитанию детей. Фактически они нарушают гендерный контракт социально одобряемых отцов и матерей. Его правила также включают способность поддерживать семейные отношения. В частности, все плохие матери в сериале оказываются матерями-одиночками, а неуспешные отцы пренебрегают не только заботой о ребенке, но и материальной, эмоциональной поддержкой семьи или моногамными

сексуальными отношениями. Сериал функционирует в качестве инструмента морального ориентирования, предлагая зрителям гид по идеологии индивидуальной ответственности и семейного благополучия.

Не-субъектные дети

Парадигмальный сценарий социального сиротства разворачивается как результат действий плохих матерей и безответственных отцов. Однако персонажами, вокруг которых он развивается, являются дети. Показателен выбор новорожденных в качестве сюжетобразующих персонажей сериала о социальном сиротстве и приемном родительстве. Создатели сериала заявляют, что в съемках принимали участие настоящие младенцы, а съемочная работа с ними и их показ в кадрах сериала представляют как одну из отличительных особенностей сериала, так и одну из основных сложностей в работе съемочной группы. Таким образом, новорожденные дети становятся по смыслу центральными фигурами теледрамы. Действительно, зрителям часто показывают долгие кадры с младенцами крупным планом. С одной стороны, кажется, что выбор младенцев в качестве центральных сюжетных персонажей и реалистичного способа их показа в сериале делает его потенциально привлекательным для женской аудитории, на которую тематически ориентируется канал «Домашний». С другой стороны, выбор новорожденных детей вписывается в господствующие публичные дискурсы детства.

Публичный дискурс детства выстраивается через утверждение заботы о благополучии детей. При этом сами дети оказываются лишены голоса и возможности высказывать мнение о своем благополучии. Так, дискурс международного усыновления формируется вокруг тематики национальных интересов и безопасности (Львовский 2010). Публичные дебаты родителей о допустимости телесных наказаний детей оперируют аргументами пользы/вреда наказаний для развития ребенка, почти не обращаясь к перспективе восприятия ребенком воспитательных технологий. Официальные документы, например «Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» и «Стратегия развития воспитания в РФ до 2025 года», декларируют необходимость привлечения детей к разработке и принятию политических решений, однако реальные политические механизмы для этого отсутствуют. В рамках этого дискурса младенцы являются идеальными детьми, поскольку как участники социальных отношений они пассивны и не имеют субъектности. Таким образом, выбор новорожденных детей в качестве центральных персонажей позволяет избежать обсуждения сложных вопросов приемного родительства, связанных с детской травмой, адаптацией, деструктивным и сложным поведе-

нием приемных детей. Истории приемного родительства представлены как трогательные сюжеты о людях, которые руководствуются альтруистическими мотивами. В этом смысле концепция ответственного родительства как индивидуальной компетентности и морального свойства индивида и концепция бессубъектного ребенка выступают двумя частями одного пазла. Иначе говоря, любой индивид может сделать моральный выбор в пользу хорошего, компетентного родительства, что даст ему/ей возможность стать успешным родителем любого ребенка.

Граждане-альтруисты

Если в сериале есть плохие родители, то есть и положительные персонажи, которые делают моральный выбор в пользу приемного ответственного родительства. В сериале сюжетные истории счастливого усыновления заканчиваются в момент обретения ребенком семьи. В финальной сцене, репрезентирующей счастливый конец истории, показана клишированная картинка семейного счастья: вся семья с приемным ребенком сидит за столом, приемные родители и их ребенок гуляют в парке, при этом все улыбаются. На материалах анализа сериала «Подкидыши» невозможно сделать детальные выводы о репрезентациях практик приемного родительства, хотя тот факт, что они являются фигурой умолчания говорит о многом. Тем не менее можно сделать вывод о том, кто становится приемным родителем и кому позволено им стать.

Не всем героям сериала, которые хотят усыновить ребенка, удастся это сделать, несмотря на их положительные моральные качества. Фактически усыновителями становятся либо одинокие люди, либо немолодые пары. Усыновление представлено как морально приемлемое действие для тех, кто не может стать биологическим родителем. Например, молодой автомашер Антон, который спасает ребенка, выброшенного из поезда, готов пойти на многое ради усыновления: посещает школу приемных родителей, собирает необходимые для усыновления документы и даже женится, однако в результате стечения обстоятельств не становится усыновителем. Антон и его жена зачинают и становятся биологическими родителями собственного сына. Спасенного ребенка усыновляет мать Антона — немолодая одинокая женщина.

В статье «приемное родительство» и «усыновление» используются не как юридические термины, а как взятые из материала. В сериале принципиально отсутствует различие между возможными юридическими формами опеки. Герои говорят только об усыновлении как форме имитации биологических отношений родства. Это незамечание юридических нюансов опеки, с одной стороны, выглядит естественным, поскольку речь

идет о новорожденных, а с другой — опирается на более широкие культурные конвенции российского приемного родительства. Экспертные интервью со специалистами, работающими в области сопровождения приемных семей, показывают, что российский культурный и политический контекст задает практики приемных родителей таким образом, что они не видят смысловых различий между опекой (как формой профессиональной заботы) и усыновлением и, выбирая ту или иную форму опеки, понимают ее как «скрытое усыновление». В этом смысле сериальные репрезентации усыновления функционируют как идеологизированные конструкты, не позволяющие увидеть специфику заботы о приемных детях как сложной работы, требующей особых знаний и навыков, заменяя ее риторикой любви к детям и альтруизма.

Государство

Сериал «Подкидыши» посвящен частной жизни: простые граждане, родители, дети и их отношения выступают основным тематическим фокусом. В качестве незамечаемого, но не менее важного персонажа в нем участвует государство. Оно представлено в виде различных государственных служб и учреждений, которые организуют и опосредуют отношения граждан. К ним относится перинатальный центр, в который рано или поздно попадают все младенцы, и его сотрудники; представители органов опеки, которые принимают решения об усыновлении; полицейские и следователи, которые занимаются поиском пропавших детей. Собственно «окно жизни», открытое в перинатальном центре, выступает сюжетобразующим элементом фильма. Сотрудники перинатального центра и представители органов опеки постоянно обсуждают его необходимость (при этом дискуссия строится тематически в русле российских политических дебатов о пользе и вреде беби-боксов), однако его основным смыслом становится спасение жизни детей, установление их юридического статуса, поиск биологических или приемных родителей. Иначе говоря, государство представлено не просто как юридическая или медицинская инстанция, оно не только заботится о благополучии детей, но и становится конечной инстанцией, определяющей, что является благом для ребенка.

Сотрудникам перинатального центра и представителям органов опеки в сериале приходится решать вопрос о том, кто является родителем ребенка и с кем он должен остаться. В случае биологического родительства основанием становится тест ДНК, который демонстрируют родители, чтобы забрать ребенка из перинатального центра. Если изучить сюжетные линии сериальных историй, то в большинстве случаев подкинутые дети

оказываются в конце концов у своих биологических родителей или ближайших родственников. Плохие матери осознают, что совершили плохой поступок, и делают морально одобряемый выбор в пользу материнства. Отцы детей в результате стечения обстоятельств узнают в подброшенном ребенке своего сына или дочь, что чудесным образом пробуждает в них отцовские чувства. Счастливые истории возвращения детей к биологическим родителям связаны с моральной трансформацией последних в ответственных отцов и матерей. Более того, возникновение родительских чувств и превращение родителей в ответственных сопровождается обретением партнера и заключением брака. Сходным образом происходит принятие решения в отношении приемных родителей. В этом случае основанием для решения о передаче ребенка становится желание стать приемным родителем. Сами будущие приемные родители при этом говорят, что ощущают любовь, привязанность к ребенку. В сериале потенциальные усыновители, как правило, одинокие люди, но решение стать приемным родителем приводит к появлению в жизни усыновителя партнера, а в конце истории — к брачным отношениям. Все усыновители, приемные и биологические, представлены как семьи среднего класса.

Дискурс о семье функционирует в сериале как визуальная версия официального нормализующего дискурса о благополучной семье и ответственном родительстве. В официальной риторике благополучные семейные отношения рассматриваются основным условием хорошей заботы о детях. Понятие семейного благополучия предполагает наличие детей. Согласно концепции, благополучная семья должна осуществлять «воспроизводство *физически здорового и психически полноценного потомства*; обеспечение в надлежащей степени *полноценного воспитания и социализации детей*» (Концепция государственной политики в отношении молодой семьи 2007). Такой взгляд на семью дискурсивно нормализует определенные типы семейных отношений и практик, выдвигая требования к содержанию семейных отношений и качеству заботы о детях, которая осуществляется семьей. Семья в публичном дискурсе функционирует в качестве идеала заботы. При этом государство оставляет за собой право контроля качества этой заботы.

Аналогично родители рассматриваются ответственными перед государством и обществом за рождение, физическое благополучие, моральное и гражданское воспитание своих детей. При этом государство формулирует и выдвигает требования к содержанию и качеству родительского поведения. Идея ответственности граждан и семейного благополучия также предполагает родительскую мобилизацию для решения проблемы социального сиротства. Ответственные и компетентные приемные и фос-

терные родители рассматриваются в качестве ключевых агентов решения проблемы социального сиротства (Постановление Правительства РФ от 24 мая 2014 г. № 481).

Возвращаясь к сериалу, мы видим в нем властную позицию государства и его нормализующий взгляд на родительские и семейные отношения. При этом позиция государственных органов, в частности работников перинатального центра, представлена как забота о детях. Они лечат детей, заботятся о состоянии их здоровья, при этом жертвуют собой. В частности, главный врач детского отделения Вера Соколова очевидно проводит в центре времени больше, чем отведено штатным расписанием, медсестры готовы взять дополнительное дежурство, а одна из сотрудниц умирает от сердечного приступа, полученного в результате переработки (устанавливается медицинской комиссией) и жертвенного служения детям (полагают коллеги). При этом лечение и определение социальной судьбы детей, попавших в беби-бокс, осуществляется сотрудниками центра на безвозмездной основе в качестве дополнительной рабочей нагрузки. Таким образом, визуальная идеология маскирует и представляет власть в форме заботы о детях, семье и детско-родительских отношениях.

Заключение: кто несет ответственность за детей?

Публичный дискурс о причинах социального сиротства

Сериал «Подкидыши» вписан в контекст трансформации механизмов власти российского государства в направлении контроля за качеством и заботы и передачи гражданам и семье ответственности за благополучие, воспитание и заботу о детях. Другими элементами этого процесса являются трансформация культуры родительства в направлении осознанности и неимперативности, реформы деинституционализации детских сиротских учреждений, официальная риторика благополучной семьи и ответственного родительства. В этом контексте родительская забота, уровень знаний, моральные черты становятся важными гражданскими качествами. Родители оказываются объектом обучения через медиа, экспертное консультирование со стороны НКО и государственных служб. Обсуждение моральных качеств приемных родителей, качества родительской заботы в СМИ становится политическим инструментом.

Анализ масскультурных продуктов, посвященных проблемам родительства и сиротства, показал, что они обсуждают преимущественно моральные черты родителей, показывая качества «хорошего» и «плохого» родительства как естественные категории, присущие индивидам. При этом обсуждение причин социального сиротства происходит в рамках культурной парадигмы плохого материнства. Сериальные репрезентации

хорошего и плохого родительства вписаны в более широкую дискурсивную конструкцию ответственного родительства. В сериале не обсуждаются социальные причины плохого родительства, не предлагаются инструменты (например, психотерапия, социальная работа или меры социальной поддержки для малоимущих семей и одиноких матерей) для преодоления проблемных ситуаций отказа от детей, жесткого или пренебрежительно-го обращения с ними. Практически не обсуждаются сложности, с которым могут столкнуться приемные родители, и возможные пути преодоления этих сложностей. Таким образом, дискурс о хорошем/плохом родительстве носит оценочный морализаторский характер.

Вместе с тем смысловые границы родительства раздвигаются. Приемное родительство рассматривается как возможный и положительно оцениваемый вид родительства. Оно представлено как не отличающееся по смыслу, содержанию и статусу от биологического. С одной стороны, такое уравнивание биологического и приемного родительства делает родительство как таковое неимперативным, основанным на компетентности и выборе. С другой стороны, полная идентификация родительства биологического и приемного игнорирует специфику отношений между детьми и родителями, которые возникают здесь (например, связанные с детскими травмами, потерей ребенком родной семьи, опытом пребывания интернатных учреждениях и т.п.). Подобная репрезентация приемного родительства также игнорирует тот факт, что родительство предполагает сложный эмоционально и физически труд, требующий знаний в области детской психологии и медицины. СМИ также создают и транслируют миф об усыновлении, представляя детей-сирот в качестве пассивных жертв недобросовестных биологических родителей, ожидающих новую семью и относительно легко в нее интегрирующихся. При таком подходе к пониманию родительства вне поля зрения оказываются сложные социальные отношения, ведущие к отчуждению ребенка от кровной семьи, специфика его жизненной ситуации и сложности его последующей адаптации в новой социальной среде. Репрезентации родительства в массовой культуре вписаны в либеральный тренд российской социальной политики, их можно рассматривать также как элемент морального обучения родителей, а также мобилизации граждан и семьи для решения значимых государственных задач, связанных с обеспечением благосостояния детей-сирот.

Выражение благодарности

Интервью с экспертами, а также анализ материалов СМИ и сериала «Подкидыши» были проведены в рамках проекта Университета Хельсинки

(Финляндия) “A child’s right to a family: Deinstitutionalization of child welfare in Putin’s Russia” (2016–2018), руководитель Мери Кулмала. Интервью с родителями были собраны в рамках различных исследовательских проектов НИУ ВШЭ (2011–2013).

Литература

Авдеева А. (2012) «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегия участия в уходе за детьми. *Социологические исследования*, 11: 95–104.

Ангелова Е., Темкина А. (2009) Отец, участвующий в родах: гендерное партнерство или ситуативный контроль? Здравомыслова Е., Роткирх А., Темкина А. (ред.) *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та: 473–507.

Берто Д., Берто-Вьям И. (1992) Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений. *Вопросы социологии*, 2: 106–122.

Детярев Е. (2014) Социальная критика Джона Карпентера: конспирология в «Чужих среди нас». *Логос*, 5: 141–162.

Зверева В. (2003) Телевизионные сериалы: Made in Russia. *Критическая масса*, 3 [<http://magazines.russ.ru/km/2003/3/zvereva.html>] (дата обращения: 18.04.2018).

Здравомыслова Е. (2002) Сексуальное насилие: реконструкция женского опыта (эссе). Здравомыслова Е., Темкина А. (ред.) *В поисках сексуальности*. СПб.: Дмитрий Буланин: 316–338.

Львовский С. (2010) Под знаком ювенальной юстиции. *Pro & Contra*, 14 (1–2): 20–41.

Майофис М., Куклин И. (2010) Новое родительство и его политические аспекты. *Pro & Contra*, 14 (1–2): 6–19.

Маркина В. (2013) Политика репрезентаций людей с синдромом Дауна в современной публичной сфере. Ярская-Смирнова Е.Р., Ромнов П.В. (ред.) *Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади*. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ: 178–206.

Орлова Г. (2009) «Карты для слепых»: политика и политизация зрения в сталинскую эпоху. Павлов А. (2014) *Постыдное удовольствие: философские и социально-политические интерпретации массового кинематографа*. М.: Изд. дом. Высшей школы экономики.

Ярская-Смирнова Е., Романов П. (ред.) *Визуальная антропология: режимы видимости при социализме*. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ: 57–105.

Романов П.В. (2005) Стратегия кейс-стади в исследовании социальных служб. *Социологические исследования*, 4: 101–110.

Темкина А. (2010) Добрачная девственность: культурный код гендерного порядка в современной Армении (на примере Еревана). *Laboratorium. Журнал социальных исследований*, 1: 129–159.

Терентьева Е.В., Корнева Е.Н., Краснова Т.В. (2013) Социальная реклама, направленная на привлечение внимания к проблеме детей-сирот. *Современные наукоемкие технологии*, 10: 243–244.

Ярская-Смирнова Е., Присяжнюк Д., Вербилович О. (2015) Приемная семья в России: публичный дискурс и мнения ключевых акторов. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 18 (4): 157–173.

Biryukova S., Sinyavskaya O. (2017). Children out of parental care in Russia: what we can learn from statistics. *The Journal of Social Policy Studies*, 15(3): 367–382.

Burawoy M. (1998) The Extended Case Method. *Sociological Theory*, 16: 4–33.

Chernova Z. (2002) Critical Studies on Men in Ten European Countries: (2) The State of Academic Research. *Men and Masculinities*, 5 (1): 5–32.

Devine F., Savage M. (2005) The cultural turn, sociology and class analysis. In: Devine F., Savage M., Scott J., Crompton R. (eds.) *Rethinking class*. L.: Palgrave Macmillan: 1–23.

Giddens A. (1991) *Modernity and Self-identity. Self and society in the late modern age*. Stanford: Stanford University Press.

Gillies V. (2010) Is poor parenting a class issue? Contextualizing anti-social behaviour and family life. In: Klett-Davies M. (ed.) *Is parenting a class issue?* L.: Family and parenting institute: 44–61.

Hall S. (1997) The Work of Representation. In: Hall S. (ed.) *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*. L.: Sage: 1–74.

Kandiyoti D. (1998) Bargaining with Patriarchy. *Gender and Society*, 2(3): 274–290.

Kremer M. (2006) The politics of ideals of care: Danish and Flemish child care policy compared. *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*, 13(2): 261–285.

Lawler St. (2000) *Mothering the Self: Mothers, Daughters, Subjects*. L.: Routledge.

Shpakovskaya L. (2015) How to be a good mother: the case of middle class mothering in Russia. *Europe-Asia Studies*, 67(10): 1571–1586.

Источники

Концепция государственной политики в отношении молодой семьи 2007 г. [<http://old.glineskie.ru/common/mpublic.php?num=112>] (дата обращения: 05.02.2018).

Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг. [<http://www.komitet2-6.km.duma.gov.ru/site.xp/050049124053052055.html>] (дата обращения: 05.02.2018).

Подкидыши: нужный сериал о ненужных детях! Домашний, 2016 [https://www.domashniy.ru/novosti/podkidyshe_-_nuzhnyj_serial_o_nenuzhnyh_detyah/] (дата обращения: 18.04.2018).

Постановление Правительства РФ от 17.07.96 № 829 (ред. от 18.08.2008) «О приемной семье» [<http://zakonbase.ru/content/base/68481/>] (дата обращения: 05.02.2018).

Размещение рекламы на телеканале «Домашний», 2017 [<http://www.mosidea.ru/mass-media/televizor/hometv>] (дата обращения: 05.02.2018).

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2015 года [<http://council.gov.ru/media/files/41d536d68ee9fec15756.pdf>] (дата обращения: 05.02.2018).

Телепрограмма. Канал «Домашний», 2018 [<https://www.domashniy.ru/schedule/>] (дата обращения: 10.04.2018).

Учите детей совершать поступки. Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга [http://fulltext.pl.spb.ru/spbiblio/digest_spb/SPb_v070802_4.pdf] (дата обращения: 05.02.2018).

“FOUNDLINGS”: REPRESENTATIONS OF FOSTER PARENTHOOD IN CONTEMPORARY RUSSIA

Larisa Shpakovskaya
(slarisalarisa@gmail.com)

National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia

Citation: Shpakovskaya L. (2018) “Podkidyshi”: reprezentatsii priyemnogo roditel’stva v sovremennoy Rossii [“Foundlings”: representations of foster parenthood in contemporary Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(3): 71–92 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.3.4>

Abstract. The article deals with the analysis of representations of foster parenthood in mass culture on the example of the analysis of the TV series “Foundlings” (TV channel “Home”, 2016–2017). The ideology of foster parenthood and its main elements are reconstructed. The author starts with the idea that mass culture products create ideological images of parenthood that define patterns of behavior and ways of interpreting the everyday experience of fathers and mothers. But they also offer in a simplified form pictures which are easily understandable to mass audience and use mass shared canons and stereotypes. Mass cultural products broadcast the prevailing power relations through the policies of representations and produce mass shared notions of normal and abnormal, morally approved and unacceptable behavior. The methodology of the case-study is used in the research. Interpretation and generalization of the results of the case analysis is built on the basis of a wide range of information sources: popular mass culture products (novels, films and TV programmes), legislation, interviews with experts and parents. The

political and ideological context of the series is reconstructed in connection with the reforms of the deinstitutionalization of care for children left without parental care, which began in 2014 (418 Decree of the RF Government). The repeated structural elements of the serial “Foundlings” were found: types of characters, the sequence of their actions and the general meanings of the events taking place. The following structural elements were picked up: bad mothers, irresponsible fathers, non-subjective children, altruistic citizens, the state. The serial stories are built around the representations of “good” and “bad” parenthood as natural categories that are inherent to the individuals. Representation of the causes of child’s loss of family occurs within the cultural paradigm of “poor motherhood”. The representations of good and bad parenting are inscribed in the broader discursive construction of responsible parenthood. In general, the representations of parenthood in contemporary Russian mass culture are inscribed in the liberal trend of Russian social policy, act as an instrument for moral education of parents, as well as for mobilizing citizens and families to solve state tasks related to the welfare of children without parental care.

Keywords: cultural representations, mass culture, motherhood, foster parenthood, deinstitutionalization of childcare, visual ideology.

Acknowledgments

Interviews with experts as well as analysis of media materials and the “Foundlings” series were conducted in the framework of the project of the University of Helsinki (Finland), “A child’s right to a family: Deinstitutionalization of child welfare in Putin’s Russia” (2016–2018) under the direction of Mary Kulmala. Interviews with parents were collected in the framework of various research projects of the Higher School of Economics (2011–2013).

References

- Angelova E., Temkina A. (2009) Otets, uchastvuyushchii v rodakh: gendernoye partnerstvo ili situativnyy kontrol’? [A father who participates in childbirth: gender partnership or situational control?] In: Zdravomyslova E., Rotkirkh A., Temkina A. (eds.) *Novyy byt v sovremennoy Rossii: gendernyye issledovaniya povsednevnosti* [New everyday life in contemporary Russia: Gender studies of everyday]. St Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo un-ta: 473–507 (in Russian).
- Avdeeva A. (2012) “Vovlechennoye otsovstvo” v sovremennoy Rossii: strategii uchastiya v ukhode za det’mi [“Involved fathering” in contemporary Russia: strategies of participation in child care] *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 11: 95–104 (in Russian).
- Bertaux D., Bertaux-Wiame I. (1992) Nasledstvo i rod: translyatsiya i sotsial’naya mobil’nost’ na protyazhenii pyati pokoleniy [Legacy and family: transmission and social mobility in five generations]. *Voprosy sotsiologii* [Sociological issues], 2: 106–122.
- Biryukova S., Sinyavskaya O. (2017). Children out of parental care in Russia: what we can learn from statistics. *The Journal of Social Policy Studies*, 15(3): 367–382.
- Burawoy M. (1998) The Extended Case Method. *Sociological Theory*, 16: 4–33.
- Chernova Z. (2002) Critical Studies on Men in Ten European Countries: (2) The State of Academic Research. *Men and Masculinities*, 5(1): 5–32.

Degtyarev E. (2014) Sotsial'naya kritika Dzhona Karpentera: konspirologiya v "Chuzhikh sredi nas" [Social criticism of John Carpenter: conspiracy in "They live"]. *Logos*, 5: 141–162 (in Russian).

Devine F., Savage M. (2005) The cultural turn, sociology and class analysis. In: Devine F., Savage M., Scott J., Crompton R. (eds.) *Rethinking class*. London: Palgrave Macmillan: 1–23.

Giddens A. (1991) *Modernity and Self-identity. Self and society in the late modern age*. Stanford: Stanford University Press.

Gillies V. (2010) Is poor parenting a class issue? Contextualizing anti-social behaviour and family life. In: Klett-Davies M. (ed.) *Is parenting a class issue?* London: Family and parenting institute: 44–61.

Hall S. (1997) The Work of Representation. In: Hall S. (ed.) *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*. London: Sage: 1–74.

Kandiyoti D. (1998) Bargaining with Patriarchy. *Gender and Society*, 2(3): 274–290.

Kremer M. (2006) The politics of ideals of care: Danish and Flemish child care policy compared. *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*, 13(2): 261–285.

Lawler, St. (2000) *Mothering the Self: Mothers, Daughters, Subjects*. London: Routledge.

L'vovskiy S. (2010) Pod znakom yuvenal'noy yustitsii [Under the sign of juvenile justice]. *Pro & Contra*, 14(1–2): 20–41 (in Russian).

Markina V. (2013) Politika reprezentatsiy lyudey s sindromom Dauna v sovremennoy publichnoy sfere [The policy of representation of people with Down's syndrome in the modern public sphere]. In: Yarskaya-Smirnova E., Romnov P. (eds.) *Publichnaya sfera: teoriya, metodologiya, keys-stadi* [Public sphere: theory, methodology, case study]. Moscow: OOO «Variant», CSPGI: 178–206 (in Russian).

Mayofis M, Kuklin I. (2010) Novoye roditel'stvo i yego politicheskiye aspekty [New parenthood and its political aspects]. *Pro & Contra*, 14 (1–2): 6–19 (in Russian).

Orlova G. (2009) "Karty dlya slepykh": politika i politizatsiya zreniya v stalinskuyu epokhu [«Maps for Blinds»: politics and politicization of view in the Stalin era]. In: Yarskaya-Smirnova E., Romanov P. (eds.) *Vizual'naya antropologiya: rezhimy vidimosti pri sotsializme* [Visual anthropology: visibility modes under socialism]. Moscow: OOO «Variant», CSPGI: 57–105 (in Russian).

Pavlov A. (2014) *Postydnoye udovol'stviye: Filosofskiy i sotsial'no-politicheskiye interpretatsii massovogo kinematografa* [A shameful pleasure: Philosophical and socio-political interpretations of the mass cinematography]. Moscow: Izd. dom Vyshey Shkoly Ekonomiki (in Russian).

Romanov P. (2005) Strategiya keys-stadi v issledovanii sotsial'nykh sluzhb [Case study strategy in the study of social services]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 4: 101–110 (in Russian).

Shpakovskaya L. (2015) How to be a good mother: the case of middle class mothering in Russia. *Europe-Asia Studies*, 67(10): 1571–1586.

Temkina A. (2010) Dobrachnaya devstvennost': kul'turnyy kod gendernogo poriyadka v sovremennoy Armenii (na primere Yerevana) [Premarital virginity: the cultural code of gender order in modern Armenia (based on the example of Yerevan)].

Laboratorium. Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy [Laboratorium. Journal of Social Research], 1: 129–159 (in Russian).

Terent'yeva E., Korneva E., Krasnova T. (2013) Sotsial'naya reklama, napravlyennaya na privlecheniye vnimaniya k probleme detey-sirot [Social advertising aimed at drawing attention to the problem of orphans]. *Sovremennyye naukoymkiye tekhnologii* [Modern high technologies], 10: 243–244 (in Russian).

Yarskaya-Smirnova E., Prisyazhnyuk D., Verbilovich O. (2015) Priyemnaya sem'ya v Rossii: publichnyy diskurs i mneniya klyuchevykh aktorov [Foster family in Russia: public discourse and opinions of key actors]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 18(4): 157–173 (in Russian).

Zdravomyslova E. (2002) Seksual'noye nasiliye: rekonstruktsiya zhenskogo opyta (esse) [Sexual violence: reconstruction of female experience (an essay)]. In: Zdravomyslova E., Temkina A. (ed.) *V poiskakh seksual'nosti* [In Search of Sexuality]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin: 316–338 (in Russian).

Zvereva V. (2003) Televizionnyye seriyaly: Made in Russia [TV series: Made in Russia]. *Kriticheskaya massa* [Critical mass], 3 [<http://magazines.russ.ru/km/2003/3/zvereva.html>] (accessed: 18.04.2018) (in Russian).